

Владимир Каткевич

Врачебная тайна судового доктора Сасского

Главы из романа

Владимир Каткевич – давний автор нашего альманаха, которого мы отличаем и за то, что он, увы, один из нынче не многих, продолжает морскую тематику и традицию в одесской литературе. Володя пишет о том, что знает и что его волнует. Если о далеком прошлом, то изучив историю предмета повествования, а если о вчерашнем или сегодняшнем, то наверняка пережил то, что сопутствует персонажам его книг. Каткевич – мореман: плавал на судах разного типа, класса и предназначения, причем ходил в «духах» – так называют тех, кто несет вахту в машине и редко показывается на палубах круизных лайнеров. Именно на одном из них и разворачиваются события романа. Он разноплановый и по сюжету, и по стилю, посвящен удивительной истории возникновения в СССР дальнего (даже кругосветного) круизного мореплавания, что было по тем послевоенным временам серьезным прорывом и страны, и ЧМП в мировую экономику, да и в политику.

Уверен, многие, даже осведомленные в морских делах читатели удивятся, узнав, что инициировала и пробила это не группа влиятельных членов Политбюро и не верхушка нашего пароходства, а уроженка Молдаванки французская подданная, человек удивительной и неоднозначной судьбы, выведенная в романе как Ирина Филипповна Гоппнер. Впрочем, эти ФИО не особенно отличаются от настоящих, как и у многих персонажей этой книги – членов экипажа круизного лайнера, среди которых был и автор повествования.

Феликс Кохрихт

Когда пароход благословляли в пробный круизный рейс к Вест-Индии, помполит Тупиков объявил на общем сборе экипажа:

– После Дакара лайнер идет столбить круизные линии в Вест-Индию, – Тупиков выдержал паузу, чтоб обомлели. – Будем шесть месяцев работать в Бермудском треугольнике: Барбадос, Гренада, Ямайка, Тринидад и Тобаго...

Линии там застолблены «Кунардами» лет сто пятьдесят назад, а мы все равно норовим столбить.

– ...Наши бизнес-интересы неминуемо пересекутся с интересами западных компаний, – обреченно предупредил первый помощник.

То есть вернутся не все. Как с передовой.

Морской круизный бизнес в Отечестве – явление исключительно советское. С его бесспорными достижениями, размахом и странностями. Как известно, хозяева «карманных» пароходств Шая Капивницкий и Фальц-Фейн на Тринидад не замахивались.

Первой иностранной ласточкой, затеявшей круизный бизнес на «России», старой «Грузии» и некоторых других трофейных пассажирах-рысачках еще в начале 60-х, была выпестованная Изой Филимоновой Гоппнер парижская компания «Трансконт». По сути дела, с этой энергичной дамы начинался весь советский круизный бизнес, принимавший порой довольно затейливые формы.

Благословили вокруг Европы трофейный рысачок с советской элитой, Паустовскому почему-то достался 3-й класс, вплотную с машиной: вой, перестук, жарыща, мазутом зашибает, ложечка в стакане дребезжит. Даешь духовку астматику!

Поскольку публика ехала состоятельная по совдеповским меркам: панификсовые шубы, велюровые шляпы, золотые коронки, на борт просочились гастролеры. Стармех Валерий Павлович Смирнов вспоминает, что, получив ориентировку, плавающий милиционер Олейник (из китобойных разделщиков) вызывал

по трансляции гастролера в каюту № ... (номера менялись) «для вручения выигрыша в судовой лотерее», потом опрокидывал гранчак водки, снимал табельный «ТТ» с предохранителя и накрывал фуражкой... Вот в какое лихое времечко оседлала рынок советского круизного бизнеса «Трансконт»!

Решающая доля активов «Трансконта» принадлежала компартии Франции. Морис Торез на советских судах тогда зачастил в Ялту лечиться. Или отдыхать от партийных дел. Или младшенького сынка навестить, Пьер Торез учился в одесской мореходке. Специально для Тореза Хрущев распорядился организовать экспрессную Марсельскую линию на «Латвии».

Минюя начальника пароходства, Иза названивала в Кремль, выбивая для пароходов туалетную бумагу, которая была тогда диковинкой даже для членов Политбюро.

– Что мне, пассажирам на гвоздик в сортире «Правду» цеплять? – озадачивала Иза президиум Политбюро по вертушке.

Газеты на гвоздике были санитарной нормой, но всех переплюнули на Одесском судоремонтном заводе имени Андре Марти («ни заработать, ни уйти»), где на гвоздик простодушно нанизали годовую подшивку заводской многотиражки «Вперед» («газета «Вперед» годится только на зад»).

Изу вывезли из Одессы в Париж в младенческом возрасте. Она была комиссаром республиканцев в 36-м. В молодости Иза была хороша. Даже с тифозным «ежилом». Когда угодила в плен к франкистам, у денкинского офицера, воевавшего на стороне путчистов, были все основания потерять голову. Он и помог бежать. Беднягу расстреляли.

По Одессе пассионария с Молдаванки носилась, как ведьма, на кремовом «пежо». Говорили, что она выразительно материлась с гаишниками. Это преуменьшение. Изольда Филимонова с ними дралась. Когда она карабкалась на мостик, капитаны, прошедшие войну и испанский плен в крепости Санта-Мария на Майорке, бледнели.

В тумане скрылась от меня Одесса,
Гляжу я вдаль без интереса...
Письмо матроса 2-го класса Р. К-го
в газету «Моряк». Архив А. Мусти

1.

Не всех больных война убила

Пусть от бурь в них темно, –
Доплывут все равно
Моряки, моряки, моряки-и-и...
И. Дунаевский. «Вольный ветер»

– Ы-ы-ы-ух, ку-у-рва! – с таким эмоциональным накалом Дите Войны в соседнем отсеке машины вымакивает лужицу масла под стабилизаторами качки. Более квалифицированную работу ему доверять просто опасно. Производственные проклятья сквозь кряхтенье для Каминского фоном, он перед сдачей вахты в смежном рефрижераторном отделении пишет в нужных строчках журнала: «Т/х «Петр Стаднюк» на переходе из п. Ресифи в п. Дакар... Вахта с 00 до 04».

– Опа-на, ы-ы-э, е...ать не хлебать!

Такие натужные звуки издают, когда корчуют подпиленный на тяп-ляп пень, подвигивают бревно в сомнительную дыру, надрываются, выбиваются из сил, пень шевелится, но не лезет.

– У-у-ы-э, сучье вымя!

Остается еще убедительно пукнуть. Что, кстати, уже имело место. Кажется, за переборкой борются с взывающим разъяренным драконом. Или с табуном чудовищ. Поединок сопровождает мессершмитный вой, зудит из умного ящика, где мозг английских успокоителей качки. Лайнер ломится сквозь шторм из Бразилии в Африку, вроде дорога наезженная, можно сказать, оживленный большак. Штурмана до рези в глазах вглядываются в мигающие звездочки на экранах локаторов, разминуться не просто, в сезон зимних норд-остов большак ухабист.

Выдвинутые из ниш в корпусе крылья-стабилизаторы должны чутко реагировать и гасить равномерную качку, бортовую и килевую, как заявлено в рекламных буклетах. Пароход для страховых агентств обещают держать на ровном киле. Чтобы у пассажиров не случилось бе-бе-бе. Но рекламщики лукавят. Крылышек только одна пара по носу, а на корме не установили, поэтому пароход беспощадно кивает валам. Во-первых, как принято в Отечестве, сэкономили на валюте. Во-вторых, пароход сработан на верфи в Висмаре (ГДР), не предназначенной для строительства судов седьмой группы. И потому из-за короткого стапеля лайнер получился куцым, но высоким. Чтобы диспропорция не колола глаза, капитан Рындин предложил выкрасить корпус в строгий черный цвет и провести по нему две желтые полосы. Пожилой чудаковатый капитан ночами лепил из папье-маше надстройку, по его рекомендациям немцы изменили конфигурацию мачты и трубы, силуэт уродца действительно стал стремительнее. Рындин малюет маслом наивные полотна: хищные стервятники с крестами бомбят пароходы: фонтаны воды, взрывы, из высоких макаронных труб валит черный дым – «портянки жгут», так детям не терпится вместить все в одну картинку. Развесил было батальные лубки в музыкальном салоне, но дирекция круизов и французская компания «Трансконт» в лице мадам Изольды Филимоновны Гоппнер категорически отказалась от военной темы: на борту как-никак иностранцы в ассортименте, и немцы в том числе. Не исключено, кто-то из пассажиров даже бомбил «Фабрициус» Рындина, а сам Рындин поливал стервятника из пулемета «мэдсон». Картины сбагрили в морской музей. Чтобы Рындин не обижался. Через сорок с лишним лет музей сгорит в ночь на страстную пятницу вместе с картинами, а маленький «Фабрициус» обуглится и из игрушечного парохода превратится в головешковое полено.

О Рындине даже тиснули статью в «Юности»: «Капитан, который нарисовал свой пароход». Романтично, но не профессионально. Нарисованный пароход угодил в эмблему пароходства, и его объявили флагманом взамен развенчанной, невыездной к тому времени трофейной «России» («Патрии»), у «Патрии» объявился заокеанский владелец или акционер. В судовой архитектуре уже господствовал кубизм, логотип устарел, подоопоздали, прогавили,

как всегда, но рындинский силуэт так и не исключили, возможно, руки не дошли, и он остался на воротах номинального пароходства, помещения которого раздали в аренду госфлотинспекции, регистру, редакции «Моряка», еще каким-то шарагам с морским фоном.

Качает по-взрослому. Значит, шторм зашкаливает за четыре градуса. Пассажирский пароход сидит не глубоко, всего до восьми метров, осадка несерьезная, потому его раскачивает беспощаднее, чем, скажем, супертанкеры. А у «Пети» еще и неоправданная парусность.

Тональность воя заостряется до писка, писк обрывается на высокой ноте, будто гироскопы поперхнулись. В звуковой паузе слышно, как шлепает под настилом волна стоков. Кажется, за испарителями кто-то бродит, какой-то квак. Один подверженный клаустрофобии юный мотормен от одиночества и фантомных страхов покидал рефотделение и стремился в смежное дизельное к людям. Пока компрессор не развалился на куски. Каминский потом его ремонтировал. Перепуганного, конечно, списали.

– Как минимум должно было быть два трупа! – подытожит аварию на командирском совещании главный механик Мао.

Почему сразу два? Ведь на холодильной вахте один шульц, так в морской среде обозначают мотористов.

Каминский не чувствовал себя стесненно ни в лабиринтах парохода, ни в катакомбах, где приходилось горбатиться, ведь при росте 185 приходилось протирать своды штреков капюшонном штормовки. А чего бояться в подземных лабиринтах? Рядом жизнь, сливные трубы пронзили выработки, по трубам канализация из частного сектора простатитно журчит, крыски пищат. Тепло зимой и не жарко летом.

Производственное отшельничество во флоте Каминского устраивает, оно даже ему необходимо. В катакомбах нашел на стене с маркшейдерской меткой рисунок углем пузатого, бушпритного еще броненосца, уродливый симбиоз паровой мощи и парусной романтики. Может, какие-то беглые матросы с «Очакова» «пиляли» ракушняк-казанчик. Или отставной боцманат добывал известняк для хаты на Слободке. Там же в штреках, тесных, скособоченных, присыпанных желтой ракушечной пылью, тленом десятилетий, видел на скальную сцену спаривания отчаявшейся девицы с чертом. Копыта, рога, а все остальное вполне пропорционально, даже искусно.

Под рифлеными плитами настила перекачивается колпак от баллона. Лень искать. Как снялись из Бразилии, штывает без передышки, и он все тюкает. Пароход посередке Атлантики, в любую сторону чапать пять суток. А при свежей погоде, как сейчас, все шесть.

– Бля-я-а! А где же дружба моряков?

Укор уже в его адрес. Или хочет поболтать, или кувалдой-«понедельником» угодил по пальчику. Ручки у него из жо растут, обе левые. Но сильные. В промежутках между вахтами Дите тренирует молодежь, шутя, держит в своей лапище кожаный щиток, а желающие молотят по нему, выбиваясь из сил. Дитя – кандидат в мастера, если не врет, конечно. На пароходе зачастую береговые достижения преувеличивают. А если списываются, то на берегу тоже лапшу вешают на свободные уши. Экс-мотормен повышает себя до механика, да непременно второго.

– И-эх! Встретились мы в баре рэсторана... – поет. Его репертуар почему-то не мелодичен. В целом Дитя человек хоть и не рукастый, но неунывающий, позитивный.

Матюк, который стоит вахту перед Каминским, написал в журнале: «...из п. Рисифи в п. Дакар... вахта с 20 до 00...». Выразительным сержантским почерком, но с ошибкой, «Ресифи» через «и». Матюк служил три года в стратегических войсках, сгубил в сапогах ноги, запах от его носок убойный. Правда, старается стирать караси прямо на вахте, потом вялит на конденсаторе. После дембеля два года учился в ШМОне. Школу морского обучения, что на Таможенной, ШМО, с издевкой обозначают школой морских офицеров. Заставляют здоровых парней, которые уже начинают лысеть, ходить строем под пионерский барабан. Им стыдно, но что поделаешь? Потом, чтобы замолить военные допуски и получить визу, Матюк три года кочегарил на «Петре Великом», который ходил с постоянным старческим креном на правый борт. За границу попал только в 26. Они с Каминским ровесники, но ничего общего. Общее у Матюка с такими же экс-сержантами, их тут полпарохода, с ними он пьет шмурдяк. Каминский, кстати, тоже младший сержант, командир отделения бетонщиков, но с изъяном, у него высшее образование. Иногда Каминскому кажется, что Матюк хочет что-то сказать, открыться, но пока присматривается и откладывает откровения до более подходящего момента.

Каминский покидает стоячую конторку. Кажется, на пути из Ресифи в Дакар прервалась связь с «Сент-Экзюпери». В Ресифи возвращались к пароходу в волшебных розовых сумерках под заливистый пересвист волнистых попугаев, не какаду, а именно волнистых. В сумеречном безлюдье разлито ожидание встречи, это ожидание в глазах бразильских девчонок. Креолки или очень худые, или сдобные, склонные к полноте, третьего не дано. В птичьем магазине у клеток микрофоны, так что рулады с мостов слышно. Ресифи на островах, и все городские шумы замешаны еще и на умиротворенном ворковании океана. Не зря в существенном атрибуте морского фона в самом названии диковинных птиц присутствует слово «волна». Откуда волнистые говорливые? Один кричал: «Венсеремос!». Экспорт революции с помощью пернатых. Наши моряки меняют на Кубе одеколон «Кармен» на революционно ориентированных попугаев, а потом продают их в еврейских магазинах Торонто.

В порту на песчаном терриконе, как птицы, сидят разновозрастные молодые бродяги, «генералы песчаных карьеров».

Фильм в этот год вышел на экраны.

– Плакала Маша, как лес вырубали!

Тема корчевания пней в развитии. Угадывается связь между богатырской возней, натужными криками Дитяти и поведением парохода, лайнер явно взбрыкивает в унисон с судорожными действиям Дитяти. И крен на правый борт стал глубже. Значит, стабилизаторы уже не гасят его.

– Вован, рысачь сюда!

Дите Войны, как Лаокоон, переплетен липкими мохнатыми лианами. Атлант, который не просто подпер балкон, а норовит сбросить тяжесть и швырнуть, как Крючков посылает диван на проклятых французов в «Гусарской балладе». Дите вполне сформировавшийся атлант в расцвете дурных сил. Атлант в Атлантике. Атлантов никогда не ваяют юными и поджарыми. Дите 41-го года рождения, на пять лет старше Каминского. У Каминского не было такого калиброванного старшего товарища. Пропорционального и полноценного. Правда, исключительно внешне. Еще целеустремленного до ломовитости. Дите не одесит и не из морской династии. Приехал из Никополя, по лимиту,

мантулил в порту сцепщиком вагонов, до докера не опускался. Правда, недолго, пока не женился на дочери известного капитана. Для разгону. Ввиду полного отсутствия способностей к производным устроили лаборантом кафедры математики в мореходке. Бурсу осилил заочно. Измором. За семь лет. Дите никогда с Каминским не заносился и не примерял убедительный кулак к его лицу, как к другим, уважал. С таким приятно спуститься в престижный питейный полуподвал «Аист» на Садовой.

– Киса, два в одном! – заказывает Дите, и все понимают, что моряки. – Мы рассчитались...

Сдачу не ждет, хотя за время плавания по Крымско-Калымской поиздержался и пользовал в Сухуми «аптечку», пил залпом из фунфырика настойку календулы. У каждого поколения водоплавающих – свои приоритеты. Послевоенные каботажники по бедности травились кукурузной настойкой.

Однажды походы в «Аист», питейный подвальчик «Два Карла», что на углу Карла Маркса и Карла Либкнехта, закончились глубоко за полночь, когда троллейбусы не ходили. Дите остановил карету «скорой помощи». Прилег на носилки и заснул. Прибыли к капитанскому дому, где Дите жил с капитанской дочкой. Каминский с санитаром тащили носилки на третий этаж. Чешский портфель положили Дитяте на грудь, а сверху он по-покойнически переплел руки размером с лопаты. Носилки поставили на площадку и позвонили. Теща сначала увидела людей в белых халатах. А потом уже на полу тело. Ей стало хорошо, санитар развел в стакане порошок. Семейная жизнь Дитяты не сложилась, он развелся и ушел в море. Но визу почему-то не закрыли, может, протабанили. С тех пор каждый очередной круиз он воспринимал последним, но визу ему почему-то так и не закрывали.

Дите всучивает Каминскому промасленную волосню со шпуньками. Поддержать. Вместе с лоскутной ветошью служба МТО, материально-технического обеспечения пароходства, присылает на пароход бороды ниток, отходы каких-то текстильно-прядельно-швейных производств. Дите Войны протирал трикотажной лианой вращающийся вал успокоителей и, естественно, намотал мохнатость. Пробует отверткой срезать кокон на ходу, пучок становится больше и туже. Тогда тянут вдвоем, Каминский понимает,

что хлипкий вал они просто вырвут с мясом. Или погнут. Или уже Дите его изуродовал. Каминский пробегает глазами инструкцию в рамочке на английском и ставит штекер в положение «реверс».

– Ты что, белого хлеба обожрался? – Дите отталкивает его от дорогостоящей аглицкой техники, но поздно.

Послушное устройство неумолимо начинает вращаться в обратную сторону... И нитяную бороду стягивают с вала. Вахте категорически прохобитид экспериментировать с мудреными заморскими цацками, которыми оснастили пароход год назад в Ливерпуле на верфи «Кунард». «Кунард» была оператором «Титаника».

Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье к далеким берегам.
Плывут они в Бразилию, Бразилию, Бразилию...

Он видел четыре порта Бразилии: Сантос – родину Пеле, Сальвадор – старинную столицу колониальной еще Бразилии, был на карнавале в Рио, на стадионе Маракана, где памятник в честь пережитого триумфа, капитан сборной Роландо стоит на громадном каменном мяче. Или глобусе. Фигуру сгоряча принимают за Пеле. На карнавале в Рио даже танцевал в колонне с какой-то школой самбы. И поцеловал смуглявенькую. И она была не против. Было! И Ресифи, конечно.

Но не сейчас, по крайней мере. Даже Ресифи. Пусть воспомина-ния и впечатления отфильтруются, муть осядет. Вот когда Сантос попадет в полюс недоступности, а это неминуемо, он снова станет желанным и привлекательным.

– Хорошо, что ты язык знаешь, – Дите моментально успокаивается. – Как ты думаешь, меня выгонят? – умиротворенно, даже деловито, без отчаяния и поз.

– Думаю, да.

Из дизельного в отсек проникает второй механик Бабуин реликтового возраста, возмущенно вырывает у Дитя отвертку и рывком злобно опускает рубильник. Успокоители успокоились, пароход валяет глубже. Апофеоз. Принц Драже танцует па-де-де!

– Принеси тестер! – бросает Бабуин старшему мотормену Жижю. – Что ты ковыляешь, как раненный бабуин?

– Конец цитаты, – злобно цедит Жижя.

Жижя не такой старый, но изношенный, у него язва желудка.

Дежурной хохмой Бабуин, наверное, злоупотребляет на судах лет тридцать пять. С парамарибных времен.

Парамарибо, Парамарибо – город утренней зари...

Парамарибо, Парамарибо, – матрос матросу, улыбаясь, говорит...

Идет советский пароход к берегам Гвианы!

– Да, не всех больных войной убило! – язвит в адрес Дитяти Бабуин. Дитя в этот момент на морских горизонтах не просматривается, иначе бы и Бабуину досталось.

– Дедушку свистнули? – напоминает с электрощита третий электромеханик Николайчик, страшит жю. – Вражий голос передал, с «Менделеева» лаборант нарезал, попросил убежища. В Кюрасао или Мартинике...

– Будет в рыгаловках посуду мыть, – реагирует Бабуин, как учили.

Все-таки он ископаемый, но сейчас не до перебежчиков, и новость не мусолят.

Включать и выключать чуткие заморские успокоители имеет право только главный механик Мао. По международной классификации Мао чиф-инженер, но в действительности он не является даже рядовым инженером. Бабуин старинный корефан Мао, оба из кочегаров, курсовики без высшего образования, когда-то закончили годичные курсы механиков при пароходстве.

Наперебой начинают трезвонить: с моста, ходового мостика, старпом Ложный-Сложный доводит до сведения машины неудовольствие капитана Рындина. Рындин из-за контузии у мыса Утриш (смотри авторские батальные полотна) приседает на уши. Потом звонит сервисница, у нее сервисы кокнулись, потом, зевая, сонная мяфа из пассажирской службы, потом начальник штафа.

На девятом поверху, где обитает старший комсостав, Мао почувствовал, что валяет размахистее, и сам позвонил в машину,

матерые механики даже во сне или в состоянии опьянения при-слушиваются к тональности шумов двигателей. Оттого и стано-вятся чайками в пятьдесят пять. Бывает прямо в рейсе. Говорят, собаки за несколько минут до землетрясения начинают гавкать. Особо чуткие механики за несколько часов или даже суток (!) предчувствуют аварию. Некоторые, уставшие от предчувствий, никак не реагируют.

Мао приклепал в шортах, нелепых белых гетрах с помпонами и белых тряпочных тапочках. В таких шлепках любят шлепать в деревне, чтобы дать отдых ногам после одеревеневших кирза-чей. На одном колене Мао наколот Сталин, тоже почему-то с рас-косыми глазами, как на китайских марках, на другом Ленин, вождя не видно из-за жгута крупной вязки от расширения вен и артрита. По причине деформации коленного сустава главный и прихрамы-вает. Как пожилой бабуин. Говорят, глаза у самого главного меха-ника тоже слегка раскосые. При пристальном изучении в течение четырнадцати месяцев Каминский азиатского следа не обнаружи-вает, может, дед примелькался. Так при ежедневной мельтешне привыкают к странностям или психическим отклонениям.

6.

Пассионария с Молдаванки

Поднимая вонь и срань,
Появилась «Березань».
Из сокровенного

Мао снял Дитяню с вахты.

Новый начальник Дитяни системный механик Кудрик был самобытным тружеником, схемами и чертежами не пользовал-ся вообще, держал их в голове, начальство в свои трудности не посвящал, до трудовой жертвенности, как Леха Все Плохо, ни-когда не опускался, и техническое руководство его самодостаточ-ность ценило. Он носил берет до бровей внатяжку, никто не знал, есть ли у старшего ассенизатора волосы вообще, и какого цвета

их остатки. Будучи офицером, Кудрик крайне редко посещал кают-компанию, от публичных сборищ отлынивал. Исключением были командирские совещания, на которые Кудрик надевал погоны и парадный берет. Публичности Кудрик избегал не без оснований.

Среди людей, которые всех развеселили на последнем командирском, оказался Мао.

– Я не позволю тебе, Кудрик, причинять пассажирам вонь! – самобытно выразился Мао.

– Поднимая вонь и срань, появилась «Березань», – мечтательно продекламировал Николайчик.

Народ соскучился по родине. «Березань» – реликтовый буксир Одесского порта, который при кантовке, тыкаясь грязными кранцами-скатами в белоснежные корпуса «рысачков-пассажиров», оставлял грязные печати с клеймом Белорусского автомобильного завода.

Вонь же ассенизаторная команда причинила на палубе «Орион», где каютное биде использовали не по назначению и затамповали памперсами. Кудрик подтянул к биде пожарный гидрант, укрепил его тряпками, щедро дал давление, все содержимое дамской вазы разлетелось веером по каюте и налипло к подволоку.

Кудрик не оправдывался, а, как обычно, молчал. Многие на пароходе, даже машинисты, вообще не слышали никогда его голоса. Получив в лице Дитяти новую головную боль, Кудрик из мудреного набора инструментов в виде «ежей», ершей, мотка проволоки-катанки для прочистки фекальных труб и клещей-«жабок» доверил новичку не созидательные функции, а исключительно разрушительные. И то с опаской. Дитяте выдали лом, кувалду-«понедельник» и благословили с глаз вон на палубу «Нептуна», где затеяли масштабную реконструкцию силами экипажа. Саморемонт на судах поощрялся руководством пароходства и провозглашен был одним из починов сухогруза «Славута», который газета «Моряк» по недосмотру корректора окрестила «Сволотой». Другим тиражируемым почином стал откорм объедками поросят на борту теплохода «Металлург Васечкин». В конце рейса боровов с оркестром определяли в подсобное пароходское хозяйство в селе Благое-

во. А вот во внедрении самореконструкции «Стаднюк» стал первопроходцем с легкой руки помполита Тупикова, никогда не опускавшего с отяжкой «понедельник».

Крушить надстройку Дитятя, разумеется, начал с бара, алкогольный форпост так и не вывели из эксплуатации. В баре крутилась Изольда Филимоновна Гоппнер, как-никак работодатель, человек влиятельный, и его это не смутило.

– Бригитта Шлютке? – переспросил бармен Барский (!) туристку, возможно, отпускал ей что-то на запись, как широко принято в отечественных «рыгаловках».

– Гребите в шлюпке! – пробурчал Дитятя и воткнул лом в калорифер. Кудрик поручил ему выкорчевать отопительный агрегат. Но демонтировать можно по-разному. Можно аккуратно, а можно варварски с последствиями. Аварийно. Аварии чаще случаются с атлантами.

Гоппнерша вытряхнула из надорванной пачки папиросу, лихо закурила, чтоб насладиться зрелищем разрушения. Дитятя почувствовал убойный запах ленинградского «Беломора» фабрики Урицкого, который курят на китобойной флотилии «Слава», отпустил лом и сел. Изе на хвост.

– Изольда Филимоновна, не угостите?

От Дитятя пованивало, до этого он прочищал с Кудриком канализацию.

– Свистнешь в хрен! Запоешь соловьем! – Иза измерила наглеца взглядом, однако бросила ему пачку, не попросив вернуть.

Иза составляла списки членов экипажа, которым в Дакаре под конец круиза грозил презент. В список попала прислуга, работающая по верхам, массажист, мозолист, портной, почему-то шифровальщик, а также команды мотоботов, возивших пассажиров на рейдовых стоянках, и матросы, переносившие багаж пассажиров, когда портовые несуну ушли в отказ ввиду страйка.

– Только «левых» людей не дописывайте, я вас всех знаю в лицо! – предупредила Гоппнерша.

– Я не левый, – нашелся Дитятя, – включите меня.

– Ты кто?

– Системный слесарь.

– Фамилия?

– Гавриш.

– Ты еврей?

– По маме, – соврал Дитятя и ополчился на бармена: – Барский, вы еврей? А почему у вас производственная фамилия?

– То есть...

– Кузнец Кузнецов кует монету. Много наковал? Пора уже тебя, бармен Барский, списывать. Тем более что ты не еврей.

Так Дитятя стал единственным системный слесарюгой, претендовавшим на презент, даже Кудрика не поощрили. Дитятя на радостях рванул лом, переборка затрещала, обнажилась решетка из простодушной дранки, как в деревне, и публика кинулась спасаться на палубу. На месте осталась только Иза, привыкшая еще с Испании к шанцевому инструменту и военным действиям.

Когда пыль улеглась, атлант крикнул:

– Блядь! Ведро!

– Вика, ведро! – продублировал Барский.

Принесли шутовское коническое ведро, которое не украдут, и на палубу его не поставишь, его только можно вонзить в дыру (господа гусары молчат), скажем, в шпигат или в пасть унитаза. Но диковинное ведро уже было не нужно, ржавая вода вытекла на ковровое покрытие.

Пока бармен метался и сокрушался (он планировал умыкнуть ковролин для собственного бара на берегу), Дитятя успел заметить заховку под трубой, свернутую в трубочку ассигнацию. За эту стодолларовую бумажку Дитятю нужно было горбатиться в море четыре месяца. Он заслонил находку фигурой, незаметно выковырял из щели свободно конвертируемую валюту и спрятал в носке.

К Каминскому Дитятя пришел похвастаться добычей, тот лежал в изнеможении, не спал от утомления, шел второй или третий день Ивана Денисовича.

Дитятя снял мокрый носок, и в каюте стало трудно дышать. Он раскрутил трубочку, и половинка стодолларовой бумажки рассыпались в прах. На Дитятю было жалко смотреть.

– Не переживай, – пытался неубедительно утешить его Каминский. – Что деньги для моряка? Пыль.

– Пересохла за батареей, – поставил диагноз Дитя. – Может, Шиманский, предшественник Барского, спрятал, а его в Союз турнули.

– Тем более. Его списали с подозрением на сифилис, так что бумага пересохла вместе с бактериями. Но все равно вымой руки.

– А может, и не сифилис. Они хоть и стукачи, но им все равно через год закрывают светофоры. Автоматом. Чтоб не зарывались. А представляешь, сколько левых марок в комбинезоне у Кудрика? Он на самые выгодные вызова сам ходит, никого не допускает.

– Еще кораллы сдает в комиссионку в Ялте.

– На подставки для кораллов, курва, всю бакелизованную фанеру извел.

– А вообще, ты как кандидат в кандидаты партии Сталина должен мантулить за идею.

– Но пока я – народ, а народ и партия – едины. Ничего, скоро в Дакаре круиз закончится, и мы свое наверстаем.

– Кораллы умыкнешь?

– Я сейчас работаю по верхам, то есть в статусе прислуги, и потому мне в Дакаре выдадут бонус. Как думаешь, Гоппнерша не кинет?

– Думаю, что нет, меня в Норвегии не кинула.

В июле, когда Дитя был в отпуске, «Стаднюк», приняв в Гавре французских туристов, отправился в заполярный круиз под флагом «Трансконта».

По прибытии в тупик Главного фьорда Норвегии стали на якоря. Пассажиров доставляли на берег мотоботами и везли дальше автобусами по тундре 5 километров к символической северной точке Европы мысу Норд-Кап – кульминации месячного путешествия.

Команды мотоботов ждали возвращения французов на берегу. У дощатого причала рядом с оленем скучал самоед в кухлянке, украшенной орнаментом и побрякушками. И икал. Было заманчиво сфотографироваться рядом с норвежским саами, и Каминский предложил жителю Севера пачку болгарского «Опала». Сигареты самоеда не вдохновили, он хотел накатить стопарик. Из подъехавшего катера выпрыгнула Иза и, сразу взяв ситуацию за рога:

– Его участие в экскурсии вместе с оленем оплачено фирмой, – предупредила. – Так что фотографируйтесь.

Цивилизованный самоед послал Изу по-саамски. Быть бы драке, но подкатил двухъярусный автобус, и Иза полезла в него вместе с французами.

– Если хотите на Норд-Кап, то вперед! – распорядилась.

Каминский с мотористом Жижей безоглядно присоединились.

– За перевозку пассажиров команды мотоботов получают отдельный презент, – пообещала Иза.

Им налили в серебряные стопки. Когда Жижа стал трезветь, то забеспокоился, пора было заступать на вахту, а они продолжали околачиваться в домике на высоком обрыве Северного моря, где французы томились в очереди за марками со спецгашением.

Командам мотоботов, как и обещала Иза, выдали фирменную сумку «Трансконта».

И на подходе к Дакару осчастливили такой же торбой, похожей на переметную суму. Перед этим Мао провел работу с отличившимися.

– В сумке журнал мод «Неккерманн» и конверт, – предупредил. – Конверт отнесете помполиту. Валюта будет истрачена на улучшенные рациона питания экипажа.

В конверте Дитятя накопил 150 долларов. Сотенную купюру надежно спрятал в машинном отделении. Сначала оставил в конверте 50 зеленых. Но потом Дитятя одолела жадность, и он заменил их пересохшим клочком. Тупиков раскрыл конверт, копнул, выудил фрагмент пересохшей банкноты и побледнел.

Дитятя простодушно заглянул через плечо помполита в конверт и возмутился:

– И здесь накололи!

Проделка Дитяти была похожа на кураж. Так изголяются воры-домушники, которые после ограбления квартиры норвят напоследок нагадить на ковре в гостиной. Ждали Голгофы. Дитятя же не предавался отчаянию, тень вины в этом случае неминуемо накрыла бы Изу, и эта его дерзость еще больше пугала старший комсостав, от него шарахались.

Между тем Дитятя продолжал набирать жменями штрафные очки. Слесари-ассенизаторы поздно вечером за рюмкой чая мусо-

лили извечные моряцкие темы, их всего шесть: кто хороший специалист, как грамотно отовариться и куда захватить излишки, еще о бабах, разумеется, о стукачах, как грамотно осесть на берегу и что такое брокер. Массивная железная дверь мастерской была закрыта изнутри на засов, но Дитятя услышал дыхание. Он прижал указательный палец к губам и честно врезал кувалдой-понедельником по железной двери. Дверь перекосило, ее сразу распахнуть не удалось. Снаружи лежало тело в форме. Оказалось, пожарный матрос, которому положено ходить по пароходу в поисках дыма, прижался щекой к двери, чтобы лучше слышать. Хотели освежить водой, но стукач, немолодой отставной офицер КГБ, оправился от контузии, вскочил и убежал. Как заяц. Историю с кувалдометром замолчали.

Об экспроприации, естественно, кто-то пожаловался Изе, потому что пароход – это впечатлительная деревня. И про тлен в конверте наверняка донесли. Случилась сцена, как в третьем акте, где бывшая комиссарша, увы, не эскадры, прошлась в адрес министра морского флота СССР товарища Тимофея Гуженко, начальника пассажирской службы ЧМП товарища Петухова и президиума Политбюро.

– Теперь тебе не видать кандидатской в партию Ленина-Сталина, как ученику радиста Лютому своих отрезанных пальцев, – сказал Каминский.

Пальцы Лютый, тогда матрос, потерял, когда во время учебной тревоги по сигналу с мостика закрывали клинкетные двери в водонепроницаемых переборках. Как он засунул клешню в гильотину – загадка. Увечного пожалели и оставили формально учеником радиста, он разносил радиogramмы по каютам.

– Твой пессимизм исторически не обоснован, – возразил Дитятя. – Товарищ Сталин тоже ведь злоупотреблял экспроприацией, где и повредил клешню.

Какой-то валютной кармой Дитятя безусловно был отмечен. Через четыре года Дитятя будет лететь в Саутхемптон на приемку нового парохода и в Ленинграде потеряет сумочку-«педерасточку» с зарплатой в паундах для 85-ти морских душ, целой приемной команды. Но об этом ниже.

В Дакаре перекрыли шлагбаумом зловонный канал, и Каминский с Дитятей и Сергеем Сергеевичем Степановым, писателем,

пребывающем в творческом плавании, ждали на жаре, когда поднимут шлагбаум.

К берегу канала подъехал кремовый «пежо». Из него выскочила Гоппнерша и закричала долговязому негру-машинисту в галапии:

– Почему мост подняли на десять минут раньше? Я подам на вас в суд!

Разводчик мостов попросил на приличном французском отъехать от шлагбаума, машина мешала.

– А, иди в жопу! – пожелала мадам Гоппнер с расстановкой на манер Раневской. Каминскому показалось, что тень смущения пробежала по ее подвижному лицу, правда, только тень, все-таки писатель Степанов стал очевидцем конфликта, ровесник, фронтовик, лауреат, мужчина, в конце концов. Разумеется, она знала, кто такой Степанов и по чьей протекции он поощрен творческой командировкой в Бермудский треугольник, она обязана это знать как представитель фрахтователя. Получалось, что за него хлопотало первое лицо государства. Но только тень пробежала по лицу Изы. Она плюнула в канал, нажала на стартер... и заметила Дитятю.

– Так это ты шматок обгоревшей американской банкноты в конверт запхал? – спросила она и... расхохоталась. – Молодец! Хрен им на могилу, дармоедам! Пусть товарищ писатель извинит нас за грубость мысли. Если прессовать начнут – сразу ко мне!

– Поняв! – нашелся Дитятя.

Прошло много лет. Ложный-Сложный, теперь уже капитан «Аджарии», стоявшей на Марсельской линии, был поощрен поездкой из Марселя в Париж. Вместе с особистом и старшим пассажирским помощником. Гоппнерша со вторым секретарем компартии Франции ждали их в тротуарном ресторанчике. Деликатесные устрицы у морских скитальцев вызвали замешательство.

– Что вы пялитесь на ракушки? – пришла на помощь Иза. – Берете эти пассатижи и разчиняете створки.

Она раскрыла для гостя створки специальными щипцами и закурила ленинградский «Беломор».

– Головоотяпые, кич и эксцентричность! – негромко резюмировал особист.

Изольда прожила долго и нервно и покинула этот мир совсем недавно, чуть не дотянув до столетнего юбилея.

Бизнес «Трансконта» унаследовала племянница. Однако в связи с известными обстоятельствами мы перестали быть диковинкой, западный турист потерял интерес к деревянному, но сердечному советскому сервису, да и сам клиент уже не такой любознательный и сентиментальный. Полную загрузку дают трехдневные рейсы в никуда, без заходов, когда в океане работает судовое казино, запрещенное на берегу. «Трансконт», по морским слухам, перепродали в Португалию.

